

УДК 330.83

## Русская дореволюционная мысль и идеи институционализма

**Подшивалов Д.В.**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и права Национального исследовательского Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

**Подшивалова М.В.**

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Национального исследовательского Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

*В статье содержится обзор научной мысли российских экономистов и философов с начала XVIII в. до середины XX в., включая труды ученых русской эмиграции. Анализируется сходство отечественных научных взглядов с основными идеями институциональной экономической теории.*

*Ключевые слова: русская экономическая мысль, институционализм, экономика «духа», институты.*

«Пора, пора открыть из-под спуда русскую науку...». Эти слова выдающегося русского экономиста Сергея Федоровича Шарапова (1855-1911 гг.) сегодня столь же актуальны, как и сто лет назад. Во времена экономико-политических кризисов, не раз одолевавших Россию, призыв к возрождению своего, национального, достояния касается, безусловно, и научной сферы. Нельзя не согласиться с Р.М. Нуреевым в том, что «только в последние годы XX столетия российские экономисты начинают постепенно ощущать себя не просто популяризаторами чужих идей, но и наследниками Н. Кондратьева, А. Чаянова и Л. Канторовича, способными заниматься не только репродукцией знаний, но и их продуцированием» [1, с. 368]. Растущий интерес к отечественному наследию экономической мысли проявляется сегодня в увеличении числа публикаций по этой теме, в издании трудов многих дореволюционных мыслителей, а также трудов ученых русской эмиграции, в организации научных обществ имени выдающихся российских экономистов.

В силу обширности и многогранности направлений отечественной экономической мысли за почти

300-летний период ее развития мы ограничились выбором набирающего популярность и силу институционального течения экономической теории. Мы далеки от мысли о наличии институциональной школы в российской экономической науке до начала 90-х гг. XX в. Общеизвестно, что первенство в развитии институционализма, с точки зрения терминологии, принадлежит Т. Веблену (1857-1929 гг.) и У. Гамильтону (1881-1958 гг.). Так, первый стал основоположником институционального направления в экономике (книга «Теория праздного класса. Экономический анализ институтов» вышла в свет в 1899 г.), выведя экономическую науку на «новые рельсы» – «междисциплинарный подход, который включал бы социальную философию, антропологию и психологию» [1, с. 72]. В 1918 г. У. Гамильтон ввел термин «институционализм».

Не оспаривая значимости достижений «старого» институционализма, мы обратились к вопросу о существовании идей институциональной экономики по самой их сущности, внутреннему наполнению в отечественной науке до середины XX в., равно как и к вопросу критики этих идей.

Обзор научной литературы по истории экономических учений, а также трудов отечественных дореволюционных мыслителей, в число которых мы включили не только «чистых» экономистов, но и философов, изучавших проблемы экономики в выбранном нами формате, позволил выделить несколько сфер научных знаний, близких по существу институционализму.

**Нравственность и доверие как факторы развития хозяйства.** Излагая основные идеи отечественных мыслителей, связанные с признанием роли нравственных начал в экономической деятельности человека, невозможно обойти стороной вопрос о влиянии на российских экономистов концепций немецкой исторической школы середины XIX в., изложенных в трудах В. Рошера, Б. Гильдебранда, Г. Шмоллера. Странники этой школы считали невозможным изучать экономические явления в отрыве от правовых, моральных и этических аспектов, т.е. норм и правил, сложившихся в обществе, поэтому они справедливо считаются предшественниками институционализма.

Известно, что А.И. Чупров, И.И. Янжул, С.Ю. Витте<sup>1</sup>, И.К. Бабст, а также ряд других видных ученых были последователями исторической школы. И.П. Гурова, исследовав воздействие западной научной литературы на российскую экономическую мысль в период с конца XVIII в. по 1930-е гг., отмечает, что «среди переводимых немецких авторов лидируют представители исторической школы, воспринимавшейся в российской академической среде в качестве альтернативы марксизму» [2]. Однако, существование последователей определенных зарубежных школ в России является нормальным явлением развития науки в мировом и национальном масштабах. Нам бы хотелось обратить внимание на следующие принципиальные факты. Во-первых, это традиционно огромная роль православного мировоззрения в российском обществе. Многие отечественные философы и экономисты были глубоко верующими людьми, в силу чего они просто не могли мыслить вне духовно-нравственного «поля». Это отчасти объясняет популярность данного научного направления в России – основные положения исторической школы были близки русской ментальности. Во-вторых, в 1724 г. первым русским экономистом-самоучкой И.Т. Посошковым (1653-1726 гг.) в «Книга о скудости и богатстве» были высказаны мысли о значимости религии и нравственного начала для экономики. В свете вышесказанного мы полагаем некорректным приписывать исторической немецкой школе исключительное влияние на становление нравственных начал в русской экономической мысли либо полагать эти идеи исключительно заимствованными в трудах европейских ученых. Как

<sup>1</sup> К последователям исторической школы С.Ю. Витте причислял, в частности, академик Л.И. Абалкин.

справедливо отмечает Ю.В. Латов, и для западных, и для восточных «добржуазных обществ типично осмысление экономики *всегда* в нерасчлененном единстве с моралью, политикой, правом и прочими социальными институтами» [3].

Многие отечественные экономисты и философы традиционно полагали нравственные начала важным элементом науки о хозяйстве, в их числе В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.Н. Михайловский, А.И. Чупров, И.И. Янжул, С.Ю. Витте, Д.И. Менделеев, А.И. Бутовский. В частности, И.И. Янжул (1846-1914 гг.) особое значение придавал нравственному воспитанию народа. «Ни одна из добродетелей, создающих наиболее богатства в стране, не имеет такого значения, как честность». При этом одним из значений «честности» И.И. Янжул называл «уважение к существующим законам и нравственным правилам, а доверие – не только параметр культуры, но и результат совершенствования общественных институтов, в частности правовой системы» [4]. Эта мысль И.И. Янжула способна объяснить существующее столетиями взаимное недоверие власти и бизнеса в России как «порочный» круг неадекватной институциональной системы (результат совершенствования институтов) и стремления предпринимателей «обойти» ее недостатки неформальными правилами.

А.И. Бутовский (1817-1890 гг.) один из трех томов курса политэкономии «Опыт о народном богатстве, или о началах политической экономии» (1847 г.) озаглавил «Политэкономия как нравственная наука», что отражает его точку зрения о значимости и подчиненности экономики нравственным нормам. В частности, он писал: «во всех промыслах люди извлекают тем больше из своих производительных средств, чем тверже придерживаются правил нравов» [5, с. 255].

Изучив экономические труды Д.И. Менделеева (1834-1907 гг.), современный экономист М.Ф. Антонов заключает, что он «рассматривает промышленную деятельность не только как чисто экономическую, но и как нравственную, исходя из того, что человек един и неделим и потому в труде проявляются все его силы – как физические, так и духовные, те природные, исторические и вообще вне воли находящиеся Божественные условия и законы...» [6].

И.К. Бабст (1823-1881 гг.) в своей работе «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» отмечал: «...где нет честности, там не может развиваться и умножаться народное богатство», «никакие поощрения, никакие правительственные меры не в состоянии вызвать в народе эти два необходимые для его благосостояния качества (честность и народная нравственность)» [7, с. 124-125].

А. Репников, изучив основные идеи многочисленных трудов С.Ф. Шарапова, заключает, что этот

экономист популяризировал концепции славянофилов, считая, что именно в них нашла выражение «русская самостоятельная мысль по вопросу о государственном устройстве» [8]. С.Ф. Шарапов считал славянофильскую мысль «единственным продуктом нашего собственного национального творчества, опирающегося только на психологию русского народа и на изучение духа родной истории». С.Ф. Шарапов пытался, по его собственным словам, «к русскому церковному учению Хомякова, историческому И.С. Аксакова, политическому Н.Я. Данилевского прибавить русское экономическое учение» и продемонстрировать, что «есть возможность создать научную денежную систему, в основе коей лежало бы также нравственное начало» [9].

В конце XIX в. обострилась дискуссия между сторонниками исторической школы и маржиналистами. Русским философам и экономистам тоже было в чем упрекнуть немецкую школу. В своем фундаментальном труде «Философия хозяйства» (1912 г.) С.Н. Булгаков (1871-1944 гг.) критиковал основные методологические принципы исторической школы, в частности институциональный детерминизм, на котором «вскормлен» и постсоветский институционализм в социологии. «Ибо нельзя же считать за лучшее, чем экономический материализм, ту эклектическую, философски беспринципную смесь этики (за последнее время уже кантианской) и экономического материализма, которую мы имеем, напр., в “историко-этическом направлении в политической экономии”. Невзирая на предохранительные меры со стороны этики, фактически представители этой школы со своим завуалированным экономическим материализмом (школа Шмоллера, Brentano, Бюхера, всех крупнейших современных экономистов Германии) содействовали утверждению экономизма более, нежели самые воинствующие марксисты» [10, с. 39]. Выступая против институционального детерминизма, Булгаков упрекал немецкую школу в том, что придерживаясь этого принципа, «она вычеркивает индивидуальность и ставит на ее место группы и классы, «совокупности», в которых индивидуальное всецело закрывается типическим, поэтому устраняется свобода и творчество и повсюду видится лишь непрерывная социальная закономерность» [10, с. 318]. Отмечал С.Н. Булгаков и «ложный эмпиризм мнимоисторической школы», критикуя «безразборчивое нагромождение эмпирического материала, полезность которого для науки остается проблематична» [10, с. 329].

**Понимание хозяйства как явления духовной жизни.** Прежде чем обратиться к обзору основных идей данного направления, хотелось бы отметить существование принципиального отличия между понятиями «нравственность» и «духовность», поскольку они воспринимаются многими как идентичные. Нравственность обнаруживает себя через

внешнее поведение человека – не ворует, не убивает, не грубит и т.д. Духовность же определяется внутренней дисциплиной личности – не завидую, не тщеславлюсь, не осуждаю и т.п.

Отметим также, что в русском языке слово «нравственность» тесно связано с понятиями «нормы» и «правила поведения». Так, в Толковом словаре В. Даля словообразующему понятию «нрав» дано такое определение: «свойство целого народа, населения, племени, не столько зависящее от личности каждого, сколько от условно принятого: житейских правил, привычки, обычая (прим. – выделено авт.)» [11]. Как видно, в этом смысле понятие «нравственность» близко определению института, которое дал У. Гамильтон – «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаях народа» [1, с. 69].

В упомянутом уже нами первом экономическом трактате И.Т. Посошкова красной линией проходит мысль о важности духовно-нравственного начала для хозяйства. Р.М. Нуреев так описывает идеи этого отечественного экономиста: «будучи глубоко религиозным человеком, Посошков очень далек от экономического детерминизма. Наоборот, он считает, что люди, “не ведающие и воли Божией не разумеющие”, не способны создать духовно-нравственные основы для развития Отечества». Россию он рассматривал как «единое целое – “хозяйствующий Дом”» [12]. В понятие «правда» Посошков включал три взаимосвязанные категории, и нетрудно заметить, что все они производны от духовно-нравственного начала в человеке: порядок как строгое исполнение своих обязанностей перед Богом, Царем, другими сословиями; гармония как равное участие в хозяйственном процессе всех сословий и согласие как проявление христианской любви между людьми [13].

Для российских экономистов свойственно было не только полагать хозяйство в тесной взаимосвязи с духовно-нравственным началом, но и считать экономии *производной* от него. Подтверждением этому могут служить цитаты из трудов И.А. Ильина, Н.П. Гилярова-Платонова, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.В. Киреевского, М.И. Туган-Барановского и многих других.

Н.П. Гиляров-Платонов (1824-1887 гг.) считал, что духовная жизнь есть основание самой экономии и материального прогресса: «Уже по этой одной способности к воздержанию духовная жизнь есть не только цель растительной, но она ею и управляет; она дает бытие самой экономии, служит основанием материального прогресса» [14, с. 427]. Работая с начала 1870-х гг. над своим политэкономическим трудом «Основные начала экономии», он заложил в него принципы христианской нравственности. Аналогичную задачу ставил перед собой и другой русский философ В.Ф. Эрн (1882-1917 гг.). В своих работах (в частности «Христианское отношение

к собственности», 1906 г.) он описал христианский идеал экономики, основанный на православном мировоззрении. А оно отсылает человека к его внутреннему миру, к его духовности как к первопричине экономической жизни не только отдельных индивидуумов, но и всего общества.

В размышлениях известного мыслителя И.А. Ильина (1883-1954 гг.) доминирует та же идея примата духовного над материальным. «Согласно этому, вся проблема хозяйства, и в особенности частно-правового хозяйства, должна быть поставлена заново как в науке, так и на практике: это есть проблема хозяйствующей души и ее верной мотивации; это есть проблема духа, строящего культуру, и его верных жизненных форм. Те способы хозяйствования, которые повреждают естественную мотивацию человеческой души, должны быть отклонены с самого начала. Отклонению подлежат и все хозяйственные формы и установления, которые противоречат человеческому духу. ... На самом деле только здоровый инстинкт в сочетании с сильным и воспитанным духом смогут найти верный исход и создать хозяйственное изобилие при социально справедливом строе... Сто невежд не создадут науки; тысяча трусов не образует боеспособного отряда; миллион нищих не создадут цветущего народного хозяйства» [15, с. 273].

Еще один известный русский философ Н.А. Бердяев (1874-1948 гг.) в своей работе «Философия неравенства» в письме двенадцатом «О хозяйстве» писал, что хозяйственная жизнь «не может быть противопоставляема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана». Так же как И.А. Ильин и Н.П. Гиляров-Платонов и многие другие Бердяев указывает на то, что духовная жизнь есть «корень материальной», что «материальная жизнь может быть понята как производная от жизни духовной». «Значение духовной дисциплины личности и народа для жизни хозяйственной огромно», поскольку хозяйство есть «акт человеческого духа. И от качества духа зависит характер хозяйства» [16, с. 256]. Он говорил о двух крайностях, связанных с обездушиванием хозяйственной жизни. Первая – «непомерное преувеличение значения народного хозяйства, господство экономики над всей жизнью», вторая – «непомерное пренебрежение к хозяйству, третирование его как чего-то низменного и недостойного» [16, с. 257].

Критикуя теорию экономического материализма, Бердяев указывал на то, что для ее сторонников «вся духовная жизнь есть лишь надстройка над экономикой». На наш взгляд, эта мысль верна и сегодня. Западные экономические теории культуру и духовность до сих пор считают важной *надстройкой* экономики, отечественные дореволюционные экономисты и философы, а вслед за ними и ряд современных экономистов: (О.А. Платонов, М.Ф.

Антонов, А.А. Олейников) полагают, что именно «дух творит себе формы» или, выражаясь словами Н.А. Бердяева, «духовная дисциплина личности и народа» определяет характер экономики, является ее *основой*.

«Как явление духовной жизни» понимал хозяйство и С.Н. Булгаков, считая, что такой подход «открывает глаза на психологию хозяйственных эпох и значение смены хозяйственных мировоззрений» [10, с. 275]. «Человек есть воплощенный дух и одухотворенная плоть, духовно-материальное существо и потому в его жизни не может быть проведено точной грани между материальным и духовным, все имеет и ту, и другую сторону, стало быть, все подлежало бы с этой точки зрения ведению науки о хозяйстве» [10, с. 317]. С.Н. Булгаков (а ранее В.С. Соловьев) предпринял грандиозную по масштабности задач попытку создать систему, в которой наука, философия и религия внутренне и органически были бы связаны друг с другом. Была ли она удачной – дискуссионный вопрос и по настоящее время. Мы полагаем, что истинный смысл, вложенный автором в этот фундаментальный труд, остается закрытым для многих исследователей и на это есть как минимум две причины: разница мировоззрений и выдающаяся сила ума Булгакова. На наш взгляд, исследователям-экономистам следует с осторожностью «переводить» идеи этого неординарного мыслителя на современный язык и условия хозяйствования.

Широкое понимание хозяйства без отрыва от духовных основ и нравственности как части общего было свойственно и сторонникам славянофильства, а заложено «отцами-основателями», в первую очередь И.В. Киреевским (1806-1856 гг.). По его мнению, политическая экономия как самостоятельная наука не могла бы зародиться в России из-за того, что русский человек «знал, что развитие богатства есть одно из второстепенных условий жизни общественной и должно поэтому находиться не только в тесной связи с другими высшими условиями бытия, но и в совершенной им подчиненности» [17, с. 73].

Д.М. Туган-Барановский, внук всемирно известного российского экономиста начала XX в. М.И. Туган-Барановского (1865-1919 гг.), в одной из своих работ [18] так раскрывает мысль деда о значимости духовно-нравственного начала для успеха социализма: «в социалистическом обществе все будут получать примерно равный доход. Исчезнет, таким образом, стимул наживы. Это приведет к снижению производительности труда. Его можно сохранить только принципиально *изменив природу* человека (прим. – выделено авт.). У него должны появиться стимулы совершенно иного рода: чувство солидарности каждого с остальными людьми, преданность общим интересам, чувство долга, увлечение красотой и привлекательностью труда. В конечном итоге эти стимулы могут с успехом заменить грубые сти-

мулы капиталистического общества». И завершает эти строки уже словами самого М.И. Туган-Барановского: «в неподготовленной социальной среде социализм вместо того, чтобы стать царством свободы и всеобщего богатства, должен стать царством рабства и всеобщей нищеты» [19, с. 426].

Несколько выделяются мысли Д.И. Менделеева о сосуществовании духовно-нравственного начала и экономии. Он видел в нем диалектический характер, указывая на ограничение этого взаимодействия – материальные потребности человека возникают раньше духовных. «Мировая трагедия на том и основана, что духовное, внутреннее и личное не существуют сами по себе, без материального, внешнего и общественного и сими последними в такой же мере определяются, как и обратно, с тем явным ограничением, что материально-внешнее, что бы ни говорили Платоны и всякие иные мудрецы, возникает раньше, начальнее и назойливее духовно-внутреннего (даже личное «я» немислимо без общения, начинаемого различием полов и стадностью), а потому и удовлетворяемо должно быть перее всего» [20, с. 393].

Своеобразное духовно-нравственное видение экономики российскими мыслителями позволяло им обосновывать духовную природу таких базовых экономических категорий, как труд и частная собственность.

Менделеев разделял «работу» и «труд», указывая на творческий (а значит и духовный) характер последнего. «Работу можно дать, к работе принудить, присудить, труд – свободен был и будет, потому что он по природе своей волен, сознателен, духовен... Работа не творит, она есть только видоизменение единых сил природы... Небывалое, действительно новое делает лишь труд; его нет в природе, он в вольном, духовном сознании людей, живущих в обществе» [6].

По мысли И.А. Ильина, «хозяйственный процесс есть творческий процесс; отдаваясь ему, человек вкладывает свою личность в жизнь вещей и в их совершенствование. Вот почему хозяйственный труд имеет не просто телесно-мускульную природу и не только душевное измерение, но и духовный корень» [15, с. 266].

В своей работе «О частной собственности» И.А. Ильин также раскрыл и обосновал ее духовный смысл. «Обосновать частную собственность – значит показать ее необходимость для человека, ее жизненную целесообразность и ее духовную верность. Это значит – указать те существенные свойства человека – естественные, инстинктивные и духовные, в силу которых частную собственность нужно принять, признать, утвердить и оградить» [15, с. 261].

Н.А. Бердяев труд и собственность также считал началами духовными и в своих трудах обосновал эти утверждения. «Труд есть явление духа, а не

материи, он имеет духовные основы» [16, с. 257]. «Собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное» [16, с. 267].

Понимая и обосновывая собственность как начало духовное, русские мыслители тем самым не искали экономического (рационального) обоснования для существования данного института. Пол века спустя этим вопросом занялась институциональная теория прав собственности.

Чрезвычайно актуальна для современного общества потребления еще одна мысль Бердяева об опасности потребительского отношения к жизни, духа жажды потребления. «Потребительское, а не производительное отношение к жизни отрицает долг труда и духовную дисциплину труда, представляет социальный рай как максимум потребления и минимум производства, совершенно уничтожает тот класс людей, который заинтересован в усилении производительности, в производственной инициативе и производственном плане. Потребительские идеалы разрушают хозяйство, мешают человеку овладеть силами природы» [16, с. 2].

Убежденность отечественных мыслителей в духовности хозяйства полезно сопоставить с положениями широко известных среди институционалистов работ «Теория праздного класса» (1899 г.) Т. Веблена и «Буржуа» 1913 г. В. Зомбарта (1863-1946 гг.). Несмотря на то, что их авторы являлись последователями разных экономических течений, их объединяет схожесть объекта исследования: у Т. Веблена – это генезис института праздного класса через изучение социального «портрета» его представителей, у В. Зомбарта – это генезис «духа капитализма» через исследование носителей такого духа – буржуа.

Термин «дух хозяйственной жизни» Зомбарт трактовал широко, выражаясь его словами, «оно обозначает все вообще *психическое* (прим. – выделено авт.), т.е. в этом смысле духовное, проявляющееся в области хозяйственной жизни... Хозяйственный дух – это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это – все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека» [21, с. 5-6]. Т. Веблен схожим образом изучал представителей праздного класса, подробно описывая их обычаи, образ мышления, жизненные ценности и психологию, обосновывая тем самым непроводительный труд (праздность) этого слоя общества.

Таким образом, с определенной долей условности, можно говорить о принципиальном отличии в подходах к изучению духовно-нравственного начала в экономии, сложившихся в русской и западной науках. Российские мыслители развивали идеи теоретико-абстрактного характера о взаимодействии

духовности и хозяйства, отстаивая идею *подчиненности* экономии «духу». Западные ученые пришли к выводу о значимости душевно-психической *надстройки* в экономике эмпирическим путем, анализируя исторические факты.

Интересно отметить, что В. Зомбарт отмечал существование в его время множества работ, посвященных «истории духовного развития современного экономического человека», но, по его мнению, «они никого вполне не удовлетворяют и не в состоянии оказать сильного и прочного влияния на мысль» [21, с. 3].

#### **Психологический элемент в политэкономии.**

Еще одним описательным уровнем экономических явлений в политэкономии, по мнению Н.П. Гилярова-Платонова, должен был стать психический элемент. Он считал, что «психический элемент заслуживает вообще большого внимания в политической экономии, нежели ему оказывают, управляя целой половиной экономических отношений» [14, с. 460]. «Исключение психологического элемента составляет вообще капитальный недостаток К. Маркса и сообщает его положениям односторонность и даже прямо ложность» [14, с. 512]. Заметим, что ученые стали изучать влияние психологического фактора в экономике лишь в середине XX в., тогда же были заложены основы поведенческой экономики как раздела институциональной экономической теории.

#### **Коллективные действия и группы интересов.**

Русский экономист Г.В. Бутми (1856-1917 гг.), изучая вопрос о валюте как важнейший экономический вопрос, рассматривал его в своей работе 1898 г. «Капиталы и долги» через призму противоречивости двух групп интересов: всех кредиторов и всех дебиторов [17, с. 296].

Развивая социальную теорию распределения, М.И. Туган-Барановский представляет распределение как «социальный феномен», для которого характерно то, что во взаимодействие вступают не индивидуумы, а «несколько разных общественных групп», между которыми, в отличие от индивидуальных актов обмена, регулярно возникает состояние неравновесия сил [22].

Но, пожалуй, наиболее глубокие и оригинальные мысли высказал в своих трудах Н.П. Гиляров-Платонов. «Человечество состоит не из индивидуумов, а из органических групп, которые признают себя и признаются за индивидуумы, каждый член которого есть самостоятельный индивидуум, не переставая быть частью другого индивидуума» [14, с. 435]. Характеризуя общество как организм, состоящий из органических групп, он указывал на существование между этими «сложными индивидуумами» живого сопротивления, но общественный организм стремится к механическому равновесию и, следовательно, «*contrat social*<sup>2</sup> есть поклеп на человечество» [14, с. 504].

<sup>2</sup> Общественный договор.

Отметим, что идеи Н.П. Гилярова-Платонова были высказаны им задолго до трудов основоположников теории групп интересов в социологии А. Бентли (работа «Процесс управления» 1908 г.) и Д. Трумэна (работа «Управленческий процесс» 1951 г.). В экономической теории впервые понятие «групп специальных интересов» для анализа коллективных действий использовал М. Олсон (работа 1965 г. «Логика коллективных действий: общественные товары и теория групп»).

**«Институты имеют значение».** По мнению О.А. Платонова, «идеи очень многих ученых России XVIII – начала XX вв. носили ярко выраженный институциональный характер» [23]. Относительно недавно И.Т. Посошков был признан первым русским институционалистом. До начала 90-х гг. XX в. в отечественной истории экономической мысли было принято причислять этого экономиста к меркантилистам. Позднее появился ряд работ, доказывающих, что Посошкова правильнее причислять к институционалистам (см. работы Г.В. Будкевич, Ю.В. Латова, О.А. Платонова). Г.В. Будкевич так трактует идеи И.Т. Посошкова: «под невещественным богатством Посошков понимал "истинную правду": законы, правовые условия, эффективное управление страной – т.е. "правила игры", те ценности, которые сегодня мы называем "институтами"» [24]. Латов же отмечает, что «у посошковского "институционализма" есть, безусловно, и "национальные особенности", но к ним надо отнести не преобладание социально-этических подходов, а, например, повышенное внимание к вопросам регулирования торговли» [3].

Созвучные идеи о существовании нематериальных ограничительных рамок можно также найти в трудах С.Н. Булгакова, С.Ф. Шарапова, Д.И. Менделеева, М.И. Туган-Барановского.

Так, С.Н. Булгаков писал: «справедливо, что существуют *определенные рамки* (прим. – выделено авт.) для деятельности, для всех принудительные, но, в то же время, устанавливающие поприще для личного творчества, оставляющие место проявлениям свободы» [10, с. 326].

Сегодня в эпоху господства «капиталистического духа» особенно актуальна мысль С.Ф. Шарапова, высказанная им в работе «Бумажный рубль». Он полагал, что при бездушном формализме (в условиях отсутствия духовности) «все стороны жизни цивилизованного человечества» обращаются в «огромную арену бесконечной борьбы эгоизмов. Эгоизмы эти то топят безжалостно друг друга, то, устав в борьбе и впадая в отчаяние, селятся путем холодной рассудочной спекуляции *придумать такие нормы и рамки* (прим. – выделено авт.), при которых было бы возможно кое-как жить» [25, с. 52]. Здесь, как мы видим, С.Ф. Шарапов критикует политическую экономию и за изоляцию хозяйственной жизни от

идеального начала, и за принцип максимизации полезности и стремление всему найти рациональное объяснение. Но, кроме того, он указывает на то, что нормы и рамки (в современном понимании – институты) приходится создавать тогда, как отсутствует духовность и нравственность. Так, в медицине можно маскировать симптомы, а можно лечить корень болезни. Аналогичным образом в экономике можно придумывать бесконечное число законов для улучшения жизни, а можно воспитывать духовность и нравственность, которые ликвидируют «симптомы» – противоправное и антиобщественное поведение.

В отношении идеи «пользы», свойственной западной науке, С.Ф. Шарапов отмечал, что преодолеть ограниченность этого подхода можно, только придав «пользе» место «служебного начала другому высшему нравственному и бессмертному началу. Понятия совершенно перестанавливаются, и человек из покорного раба экономических сил становится их господином, обращаясь из рабов Ротшильда в «рабы Господни» [25, с. 54].

О влиянии нравственных и правовых ограничений на развитие экономики Д.И. Менделеев писал: «Развитие "блага народного", определяясь мерой роста и общностью распространения нравственных начал и внешнего благосостояния, зависит очень сильно не только от прав граждан, но и от обязанностей, определяемых убеждениями, обычаями и законами» [20, с. 327].

К идеям институционалистов в своей социальной теории распределения был близок и М.И. Туган-Барановский. К числу значимых факторов, влияющих на величину заработной платы рабочего и прибыли капиталиста, он относил законодательство по охране труда, общественное мнение, традиции, образование и опыт рабочего, являющиеся традиционными факторами для институционального направления [23].

### Выводы

Немецкий экономист Й. Цвайнерта, исследовав историю экономической мысли в России с 1805 по 1905 гг., пришел к выводу о том, что экономисты западных стран того периода считали экономику совершенно самостоятельной системой, российские же исследователи «выступали против ее изолированного рассмотрения, а принимали ее как неотъемлемую часть общества и государства» [26]. Академик Л.И. Абалкин, известный своими фундаментальными трудами по истории российской экономической мысли, отмечал, что «теория предельной полезности и маржинализм не получили в России широкого распространения... Российской экономической мысли ближе были социальная теория распределения и объявленная М.И. Туганом-Барановским верховная ценность человеческой личности» [27]. В качестве одной из центральных идей отечественной экономической мысли академик выделял идеи, свя-

занные с «выдвижением и приданием особой значимости социально-нравственным, человеческим, гражданским, образовательным и культурно-этическим проблемам». По мнению Л.И. Абалкина, «без этого нет России. И не будет никогда». «Когда материальная доминанта провозглашается определяющей чувства, настроения, нравственный облик, духовный потенциал народа, это не только вульгарно, но и, строго говоря, не научно» [28].

На наш взгляд, русские мыслители не просто говорили о значимости нравственных и духовных начал для развития экономики, они указывали на характер этих отношений, а именно на то, что хозяйствование *созидается* ими. Дореволюционная экономическая мысль в России изучала хозяйственные процессы на более высоком описательном уровне, чем основоположники институционализма и их последователи начала XX в. Нормы, правила и обычаи («институты» в терминологии Веблена и Гамильтона) они рассматривали производными от духовно-нравственного начала. С определенной осторожностью можно говорить о том, что в русской экономической школе сущность идей институционализма раскрывалась абстрактно-теоретическим путем. Отечественные мыслители давали им духовное обоснование, а не прагматическое как представители западных школ.

В заключение хотелось бы выделить ряд актуальных идей отечественных дореволюционных мыслителей, ожидающих дальнейшего развития в условиях политических и духовно-нравственных вызовов современной русской цивилизации.

1. Первичность духовно-культурного, вторичность институционального. Эту идею прекрасно резюмирует мысль современного отечественного экономиста Е.В. Балацкого о взаимосвязи культуры и институтов – отсутствие культуры приводит к низкой эффективности любых, даже самых «продвинутых» институтов [29]. Это означает, что нет необходимости в разработке каких-то особых моделей духовной экономики (например, подобно идеям Булгакова), но следует начинать с малого: параллельно с развитием экономических процессов озадачиться духовным воспитанием человека не только на государственном уровне, но и на уровне отдельной семьи. А пока духовность и культура «созревают», «власть держащим» приходится восполнять духовно-нравственные пробелы созданием различных норм и правил, чтобы, выражаясь словами С.Ф. Шарапова, можно было «кое-как жить». Развитием этой идеи является понимание того, что институциональное проектирование не может быть оторвано от духовно-культурных характеристик того общества, для которого оно осуществляется.

2. Понимание роли человека в экономике как *творца* хозяйственного процесса и это особенно актуально для разработки инновационной парадиг-

мы развития отечественной экономики. В советский период хозяйствования эта простая и гениальная мысль была воплощена в лозунгах и мотиваторах трудового народа. В 90-е гг. при смене экономических укладов она была утеряна и вновь обретаена лишь при помощи зарубежных популярных концепций менеджмента (например, концепции бережливого производства, в которой творчеству отводится центральное место). С позиций институциональной экономики, признание творческого, т.е. свободного начала в каждом индивидууме, означает во-первых, наличие в реальности некоторого «институционального опциона» – существование у экономического агента возможности выбора тех или иных правил для решения своих задач; во-вторых, ограниченность принципа институционального детерминизма, которая может быть преодолена в экономических исследованиях путем его сочетания с принципом методологического индивидуализма (на сегодняшний день это является сложной методологической проблемой).

3. Понимание экономики как части общего. Эта мысль сегодня нашла свое развитие в активном применении междисциплинарного подхода на стыке психологии, социологии, этики, политологии и формировании новых научных направлений, таких как поведенческая экономика, социальная экономика и т.д. На наш взгляд, эта тенденция имеет существенные перспективы и преимущества перед классическими методологическими принципами экономической науки.

Хочется завершить эту работу кратким и вполне очевидным выводом из идей отечественных ученых прошлого века, рассмотренных нами выше, – человеческая совесть способна заменить собой многие юридические и экономические законы. Относись к окружающим как к самому себе, исполняй свои обязанности добросовестно, исполни законы, а не старайся обойти их любой ценой – это лишь самый поверхностный перечень духовно-культурных рычагов, способных устранить и теневую экономику, и институциональные ловушки, о которых так много говорят современные экономисты.

#### Литература:

1. Нуреев Р.М. Очерки по истории институционализма. – Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век»; Гуманитарные перспективы, 2010. – 415 с.
2. Немецкие и русские экономисты в диалоге. Научный обмен в исторической перспективе / Отв. ред. Х. Ритер, Л.Д. Широкоград, И. Цвайнерт. – Марбург: Изд-во «Метрополис», 2005. – 358 с.
3. Латов Ю.В. Иван Посошков как зеркало российской модернизации // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11. – № 1. – С. 95-100.
4. Янжул И.И. Избранные труды. Серия российская экономическая мысль. – М.: Наука, 2005. – 438 с.
5. Бутовский А.И. Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии. – СПб.: Типография второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1847. – Т. 1. – 518 с.
6. Антонов М.Ф. Гений русской экономической мысли // Экономика образования. – 2012. – № 2. – С. 40-53.
7. Бабст И.К. Избранные труды. Серия российская экономическая мысль. – М.: Наука, 1999. – 303 с.
8. Репников А. Русский консерватизм: Сергей Шарапов. Консервативная классика: труды идеологов русского консерватизма и статьи о них. – URL: [http://ruskline.ru/monitoring\\_smi/2008/06/11/russkij\\_konservatizm\\_sergej\\_sharapov/](http://ruskline.ru/monitoring_smi/2008/06/11/russkij_konservatizm_sergej_sharapov/)
9. Последний романтик славянофильства. Сергей Федорович Шарапов (1855-1911) // Воинство святого Георгия. Жизнеописание русских монархистов начала XX века. – 2006. – С. 456-457.
10. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Часть вторая. И-О. – М.: Типография Лазаревского института восточных языков (А. Мамонтов), 1865. – 1351 с.
12. Нуреев Р.М. Восточные и западные традиции экономической мысли в «Книге о скудости и богатстве» Ивана Посошкова // Историко-экономические исследования. – 2014. – Т. 15. – № 1. – С. 8-25.
13. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. – М.: ИД «Экономическая газета», 2011. – 424 с.
14. Гиляров-Платонов Н.П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Составление и комментарии Ю.В. Климакова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 720 с.
15. Ильин И.А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 1216 с.
16. Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 624 с.
17. Платонов О.А. Уроки русской экономической мысли. – М.: «Родная страна», 2014. – 368 с.
18. Туган-Барановский Д.М. Теория социализма М.И. Туган-Барановского // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 4. – 2014. – № 2 (26). – С. 14-19.
19. Туган-Барановский М.И. Социализм как положительное учение // К лучшему будущему. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 257-427.
20. Менделеев Д.И. Заветные мысли: Полное издание (впервые после 1905 г.). – М.: Мысль, 1995. – 413 с.



21. Зомбарт В. Буржуа / Пер. с нем. – М.: Наука, 1994. – 443 с.
22. Солнцев С.И., Туган-Барановский М.И., Солнцев С.И., Билимович А.Д. Социальная теория распределения. Серия российская экономическая мысль. – М.: Наука, 2009. – 440 с.
23. Платонов Д.Н. Начало экономической науки в России, первая половина XVIII в.: автореф. дис. ... докт. экон. наук. – М., 1997. – 29 с.
24. Будкевич Г.В. Иван Посошков – первый русский экономист // Журнал институциональных исследований. – 2014. – Т. 6. – № 1. – С. 30-35.
25. Шарапов С.Ф. Россия будущего / Сост., предисл., примеч., именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 720 с.
26. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России (1805-1905). – М.: ГУ ВШЭ. – 2007. – 416 с.
27. Дегтярев А. Уроки истории российской экономической мысли по Л.И. Абалкину // Вестник Института экономики РАН. – 2013. – № 2. – С. 7-17.
28. Абалкин Л.И. Российские академики-экономисты: уроки двух веков // Экономическая наука современной России. – 1999. – № 3. – С. 139-150.
29. Балацкий Е.В. Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия // Общество и экономика. – 2007. – № 5. – С. 37-53.

## Russian Pre-Revolutionary Thought and the Ideas of Institutionalism

*D.V. Podshivalov, M.V. Podshivalova*

*South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk*

*The paper reviews scientific thought of Russian economists and philosophers from the beginning of the 18th to the mid-20th centuries including the scientific work of Russian emigration. The authors analyze the similarity of domestic scientific views with the main ideas of institutional economic theory.*

*Key words: Russian economic thought, institutionalism, the economics of “spirit”, institutions.*

